

Ева Зими́на

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬНИЦА
ДЛЯ ЛЕДЯНОГО
ДРАКОНА

Ева Зимина

**Лжесвидетельница
для ледяного дракона**

«Автор»

2026

Зими́на Е.

Лжесвидетельница для ледяного дракона / Е. Зими́на — «Автор»,
2026

Иветта — лучшая лгу́нья империи. Бывшее «перо» всеильного интригана, она умела вынимать чужие тайны и не верить никому — особенно себе. Чтобы получить допуск к секретным реестрам одарённых, она приносит клятву истины: отныне каждая её ложь жжёт огнём. С этим её и отправляют на Север — расследовать исчезновение одарённых детей. А в напарники дают ледяного дракона, лорда Рейна Хольдвина, чей младший брат много лет назад сгинул в Обители Пепла по доносу. По доносу, который написала она. Он не верит ни единому её слову. Она не может солгать ему ни в одном. От ненависти до любви — один шаг, но между ними её прошлое, его горе и тайна, ради которой кто-то готов убивать. Сможет ли лучшая лгу́нья империи спасти чужих детей, чужого брата — и собственное сердце, когда единственное её оружие теперь правда?

© Зими́на Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Клятва истины	5
Глава 2. Перо Морвейна	8
Глава 3. Тёплые руки	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ева Зими́на

Лжесвидетельница для ледяного дракона

Глава 1. Клятва истины

Человек, который собирался заставить меня поклясться в честности, сам лгал мне трижды за последние две минуты, и я считала эти разы, как считают капли из прохудившейся крыши.

Раз: «Рад вас видеть, агент». Глаза распорядителя Совина не были рады ничему, кроме обеда, до которого оставался час. Два: «Это простая формальность». Формальностей, от которых у людей идёт кровь из носа, не бывает. Три: «Вам нечего бояться». Вот это было даже почти трогательно — будто я когда-нибудь умела бояться вслух.

Я сидела в холодном зале Службы попечения о сиротах с даром, на стуле, который скрипел при каждом вдохе, и смотрела на серебряную чашу посреди стола. Над ней дрожал воздух, как над раскалённой плитой, хотя в зале было так зябко, что у писаря в углу синели пальцы.

— Клятва истины, — сказал Совин, поглаживая чашу, словно кота. — Доступ к закрытым реестрам одарённых даётся только тем, кто не сможет ими торговать. Вы понимаете, агент Иветта, почему именно вам мы предлагаем её первой.

Я понимала. Они предлагали её мне первой не из доверия, а из его полной противоположности. Бывшая воспитанница Эдгара Морвейна. Бывшая гостиная шпионка, которая годами вынимала из людей их секреты, как вынимают занозу — быстро, чисто, с улыбкой. Мне не дали бы ключей от реестров без повода. Клятва была поводом.

— Я понимаю, — сказала я. — Вы боитесь, что я снова начну продавать детей оптом. Логично. Прежний хозяин научил меня прайсу.

Писарь в углу перестал дышать. Совин поморщился — моя честность всегда давалась людям тяжелее моей лжи.

— Никто не обвиняет вас в прошлом, — сказал он.

Четыре, отметила я. Но вслух не стала. Есть капли, которые не стоит ловить.

Дар у меня был тихий и неудобный. Не огонь, не лёд, не громы — я читала людей. Не мысли, нет, мысли — это сказки для тех, кто не умеет смотреть. Я читала тело: как дёргается веко, когда человек врёт о деньгах, как меняется дыхание перед просьбой, как пальцы выдают то, что прячет язык. Морвейн нашёл меня девятилетней, в приюте, где я уже обыгрывала надзирателей в их собственные тайны, и сделал из меня инструмент. Я была хорошим инструментом. Это и есть та часть, которую мне труднее всего произносить вслух.

— Что мне нужно сделать, — спросила я, и это был не вопрос.

— Положить руку в чашу. Произнести слова. Дальше клятва живёт в вас. — Совин говорил ровно, заучено. — Пока вы носите её, ложь причиняет боль. Не метафора, агент. Жар. Чем крупнее ложь, тем сильнее. Маленькая увёртка — как обжечься о свечу. Большая ложь... — он замялся, — лучше не проверять.

— А молчание?

Он посмотрел на меня так, будто я спросила, не больно ли воздуху, когда сквозь него летит стрела.

— Молчание не наказывается. Клятва карает сказанную ложь, не несказанную правду.

Хорошо, подумала я. Значит, у меня остаётся одно-единственное оружие. Самое моё нелюбимое. Я всю жизнь пряталась за словами; теперь придётся прятаться за их отсутствием.

Я встала. Стул облежённно умолк. Я подошла к чаше, и жар лизнул мне ладонь ещё до того, как я её опустила, — будто магия приноживалась, чем я пахну. Пахла я, должно быть, годами лжи. Целым складом.

— Что я должна сказать?

— «Я связываю свой голос с истиной. Пусть ложь жжёт меня, пока я её ношу».

Я опустила руку в воздух над чашей. Тепло обхватило запястье, как чужие пальцы.

— Я связываю свой голос с истиной, — сказала я. Голос не дрогнул. Это была моя профессиональная гордость — он не дрожал даже тогда, когда дрожать стоило бы. — Пусть ложь жжёт меня, пока я её ношу.

И тогда внутри что-то щёлкнуло. Не больно. Холодно — как защёлкивается замок. Я почувствовала чужое присутствие у самого горла, тихое, терпеливое, как сторож, который сел у двери и приготовился ждать всю мою жизнь.

— Готово, — сказал Совин и впервые за встречу улыбнулся искренне. Потому что теперь я была безопасна. — Проверим?

— Не надо, — сказала я.

— Совсем маленькую. Скажите, что вам приятно здесь находиться.

Стервец. Я посмотрела на него и сказала ровно:

— Мне приятно здесь находиться.

Боль пришла мгновенно — будто кто-то прижал к языку раскалённую монету. Я не вскрикнула. Я никогда не вскрикивала; за это меня тоже когда-то хвалили. Я просто почувствовала, как на глаза навернулись слёзы, чисто телесные, и сглотнула жар вместе с гордостью.

— Видите, — сказал Совин довольно. — Работает.

— Вижу, — ответила я. И это не жгло. Чудеса.

Бумаги он выложил передо мной уже без церемоний — теперь, когда я была надёжно прикована к правде, со мной можно было говорить о деле. Я читала, и протокольная часть меня просыпалась, отодвигая всё человеческое в сторону, как отодвигают занавеску.

Север. Три деревни на отрогах Стылого рубежа — Ольховня, Кривель, Запруда. За зиму пропали одиннадцать детей. Всех объединяло одно: дар. Незарегистрированный, тихий, у кого пальцы грели молоко, у кого снились чужие сны. То, что родители прятали, чтобы Комиссия не вписала ребёнка в реестр, после которого живётся плохо. Прятали — а кто-то находил.

— Гарвен мёртв, — сказала я, не поднимая глаз. — Контору конфисковали в казну прошлой зимой. Я сама отдавала бумаги.

— Гарвен мёртв, — согласился Совин. — Но сеть — это не контора. Это привычка. Кто-то подобрал нити. Мы зовём его Скорняк, потому что он, по слухам, снимает дар, как снимают шкуру. — Он положил передо мной последний лист. — Вы поедете на Север. Вы знаете, как работала сеть изнутри. Никто во всей Службе не знает лучше вас.

Потому что я её и строила, додумала я за него. Он был достаточно вежлив, чтобы не сказать этого. Я была достаточно честна — теперь по принуждению, — чтобы не делать вид, будто не поняла.

— Одна?

— Не одна. — Совин выложил ещё бумагу, с печатью короны, и в его голосе появилось то особое удовольствие, с каким мелкий чиновник сообщает неприятную новость. — Корона не отпускает агента вашего... происхождения без присмотра. К расследованию приставлен пограничный страж Севера. Ледяной дракон. Это его земли, его деревни, его дети пропадают. Вы будете работать вместе.

— Дракон не сядет за один стол с бывшей шпионкой Морвейна, — сказала я. — Драконы злопамятны. Это у них в чешуе.

— Этот — особенно, — сказал Совин и наконец-то посмотрел мне в глаза с настоящим, живым любопытством. С каким смотрят, бросая кость в клетку и гадая, кто кого. — Лорд Рейн Хольдвин. Стылый рубеж.

Имя ничего мне не сказало. Хольдвинов было много, север ими кишел, как кишит инеем. Я взяла бумагу с печатью и пробежала её — послужной список, награды, выговор за «излишнюю самостоятельность», и в самом низу, в графе «семья», одна строка, от которой холод клятвы у моего горла вдруг показался тёплым.

«Брат, Теодор Хольдвин, осуждён к Обители Пепла за незаконный огненный дар. Приговор приведён в исполнение».

Я знала этот приговор. Я знала эту дату. Я знала почерк доноса, по которому она была вынесена, — потому что почерк был мой. Морвейн диктовал, я писала, я была хороша, я была быстра, я не задавала вопросов. Теодор Хольдвин, восемнадцать лет, грел руками замёрзших ягнят. Я сделала из этого «применение запрещённого дара в преступных целях». Мне было тогда семнадцать, и я гордилась чистым слогом.

— Что-то не так, агент? — спросил Совин.

Сказать «нет» было бы ложью, и клятва уже шевельнулась у горла, пробуя меня на зуб.

— Всё так, — сказала я. Это было правдой. Всё было именно так, как и должно быть с человеком вроде меня: рано или поздно прошлое садится напротив за один стол и просит передать соль. — Когда выезжать?

Глава 2. Перо Морвейна

Лорд Рейн Хольдвин невзлюбил меня раньше, чем я вышла из саней, — и в этом, по крайней мере, был честен.

Он ждал во дворе пограничной заставы Стылого рубежа, и первое, что я о нём прочитала, было простое: этот человек не хочет здесь стоять. Плечи развёрнуты ко мне, но вес на задней ноге — тело готово уйти. Челюсть сжата так, что под кожей ходит желвак. Руки за спиной — не из почтения, а чтобы я не увидела, что они сжаты в кулаки. Дракон в человеческом теле, высокий, с зимними глазами того серо-голубого цвета, какой бывает у льда на сломе. Красивый, как красив обрыв: смотришь и понимаешь, что близко подходить не стоит.

— Агент Иветта, — сказал он. Не «рад», не «добро пожаловать». Просто моё имя, выложенное на снег, как тело.

— Лорд Хольдвин.

— У вас нет фамилии?

— Я её сдала вместе с прочим имуществом прежнего хозяина.

Он не оценил. Я и не рассчитывала. Я просто выясняла границы — где у этого человека стоят флажки, за которые нельзя. Оказалось, флажки стояли везде. Он смотрел на меня так, будто я была не агентом, присланным помочь, а сквозняком, который кто-то впустил в дом.

— Я знаю, кто вы, — сказал он, когда мы вошли в низкую залу заставы, где в очаге горело так слабо, что огонь казался скорее воспоминанием об огне. — Я выяснил, прежде чем согласиться. Воспитанница Морвейна. Его перо. — Он положил это слово передо мной, как кладут на стол улику. — Знаете, чем занималось перо Морвейна?

— Писало, — сказала я.

— Доносы. — Он подошёл ближе, и от него потянуло холодом, настоящим, физическим, — у драконов в гневе стынет воздух. — По которым людей отправляли в Обитель Пепла. Навсегда. За дар, который они не выбирали.

Вот сейчас, подумала я. Сейчас он скажет имя. Я выстроила лицо так, как строила его всю жизнь, — ровная вода, в которой ничего не отражается, — и приготовилась.

Но он не сказал. Он не знал. Он презирал меня вообще, как класс, как явление, не подозревая, что среди безымянных строк, которые я когда-то выводила, есть одна с его фамилией. И это было хуже любого обвинения. Я предпочла бы, чтобы он швырнул мне имя брата в лицо. Тогда мы были бы квиты: он бьёт — я держу удар. А так выходило, что я сидела напротив человека, которому задолжала самое страшное, и он об этом не знал, и долг от этого только тяжелел.

Я обвела залу взглядом, по привычке читая дом так же, как читала людей. Застава была обжита по-холостяцки: ничего лишнего, всё на местах, оружие в чести, уют — ноль. Но одна деталь царапнула. У дальней стены стоял длинный стол на двоих, и одно место за ним было накрыто — пустая миска, ложка, кружка, — хотя обедать здесь явно собирался один человек. Я не спросила. Молчание не наказывается, а вопросы выдают. Но я запомнила: лорд Хольдвин десять лет накрывает второй прибор. Кому — я узнаю позже, и от этого знания мне станет так стыдно, как не было стыдно никогда. А пока я просто отметила: человек, который держит для кого-то место за столом, — не та глыба льда, какой хочет казаться.

— Вы молчите, — заметил он.

— Вы не задали вопроса.

— Хорошо. Вопрос. — Он сел напротив, и стул под ним не посмел скрипнуть. — Зачем вы здесь на самом деле? Не «корона прислала». Зачем. Бывшие люди Морвейна не меняются. Вы приехали доделать его работу? Найти, что осталось от сети, и прибрать к рукам?

И тут клятва у моего горла проснулась и наострила уши. Потому что соврать было бы так легко и так привычно. «Я приехала помочь» — мягко, профессионально, с правильной долей тепла. Я открыла рот, чтобы сказать именно это, и магия дохнула мне в гортань жаром, предупреждая.

Я закрыла рот. Подумала. И сказала правду — кривую, неудобную, мою:

— Я приехала, потому что меня послали, и потому что я единственная, кто знает, как эта сеть дышит. Меняюсь я или нет — я не знаю. Это не я решаю. Это решают по делам, а не по словам.

Он чуть прищурился. Не поверил — это я читала ясно, недоверие сидело в нём так же прочно, как лёд в костях. Но он заметил кое-что другое.

— Вы хотели сказать иначе, — медленно произнёс он. — Я видел. Вы начали одну фразу и сказали другую.

Проклятый дракон был наблюдателен. Я недооценила его — записала в сердитую гору мышц и зря.

— У меня клятва истины, — сказала я ровно. — Условие допуска к реестрам. Я не могу солгать вам, лорд Хольдвин, даже если бы очень хотела. А я хочу. Постоянно. Это, если угодно, единственное, что во мне честного: я честна не по доброй воле, а под пыткой.

Повисло молчание. Он смотрел на меня, и в зимних глазах что-то двигалось — не тепло, нет, но перестраивалось. Человек, который не верит словам, вдруг получил собеседника, чьи слова нельзя подделать. Для него это было не облегчением. Это было неудобно, как неудобно слишком яркий свет.

— Докажите, — сказал он.

— Как?

— Соврите мне. Сейчас. Скажите что-нибудь, что заведомо ложь.

— Я обожаю Север, — сказала я.

Жар вспыхнул мгновенно, прокатился по языку, по горлу, я почувствовала, как от боли защипало в уголках глаз, и сжала под столом кулак так, что ногти вошли в ладонь. Я не издала ни звука. Но он увидел — увидел, как побелели мои губы, как я на долю мгновения зажмурилась. Дракон чует чужую боль; это тоже у них в чешуе.

— Достаточно, — сказал он резче, чем хотел. И отвёл взгляд первым, чего, я думаю, с ним давно не случалось.

— Север прекрасен, — добавила я, когда отпустило. — Это не жгло. Видите, не вру.

Он не ответил. Встал, подошёл к низкому окну, за которым белела пустота до самого горизонта. Я смотрела ему в спину и читала её — напряжение в лопатках, рука, которой он коснулся стекла и тут же отдернул, будто стекло его обожгло холодом, своим же. И заметила то, чего не должна была: на тыльной стороне его ладони, у запястья, проступила тонкая полоска инея. В тепле залы. Из ничего.

Я знала, что это значит. Я выросла среди драконьих сказок, прежде чем перестала верить в любые. Иней без мороза — это дракон, в котором стынет то, что должно бы гореть. Дракон без пары, начавший вымерзать. Лорд Рейн Хольдвин медленно умирал изнутри, и, судя по тому, как привычно он спрятал руку, знал об этом давно.

Я ничего не сказала. Молчание не наказывается.

— Завтра на рассвете едем в Ольховню, — бросил он, не оборачиваясь. — Первая деревня. Там пропала девочка по имени Лесса, девять лет, грела воду в ладонях. Мать клянется, что ничего не видела.

— Мать врёт, — сказала я. — Все матери врут про детский дар. Это их способ любить.

Он обернулся, и впервые в его лице мелькнуло не презрение, а что-то острее — будто я задела не теорию, а его самого.

— Вы говорите о любви, — сказал он тихо, — как о технике лжи.

— А разве нет?

Он не ответил. Просто положил передо мной то, что, видимо, и было настоящей причиной этого разговора, — маленький холщовый мешочек, который нашли у обочины там, где пропала девочка. Я развязала тесёмку. Внутри лежал обрывок свинцовой пломбы, какими опечатывают грузы. На пломбе было оттиснуто клеймо: молоток и весы в овале.

Холод клятвы у моего горла был ничто по сравнению с тем, что прокатилось по позвоночнику.

— Вы узнаете, — сказал он. Не вопрос. Он читал меня в ответ, этот дракон, и читал верно.

— Да, — сказала я, и это слово не жгло, потому что было чистой правдой. — Это клеймо «Гарвена». Конторы, которую год назад конфисковали в казну. Конторы, которой больше нет.

— И всё-таки она здесь, — сказал лорд Хольдвин. — На моей земле. Крадёт моих детей. — Он забрал пломбу и сжал в кулаке, и я увидела, как между его пальцев пробивается иней. — Так что давайте начистоту, агент без фамилии. Я вам не верю. Я не поверю вам ни завтра, ни через месяц. Но эту тварь я найду. И если для этого мне нужно перо Морвейна — что ж. Я возьму перо.

Глава 3. Тёплые руки

Сани шли по белой дороге уже четвёртый час, и за это время лорд Хольдвин сказал мне ровно девять слов, из которых семь были названиями деревень.

Я не настаивала на беседе. Молчание дракона было честнее любого разговора с ним: оно по крайней мере не пыталось притворяться, что мне рады. Я куталась в казённую шубу, от которой пахло чужой пылью, и смотрела, как он правит. Он не доверял возницу даже лошадыми. Всё держал сам. Это я тоже занесла в досье, которое складывала на него помимо воли: человек, который не отдаёт поводья.

— Вы неправильно держите вожжи, — сказала я наконец, потому что молчать четыре часа умеют только покойники. — Левая рука перетянута. Лошадь забирает вправо, вы правите, она забирает снова. Вы воюете сами с собой.

— Вы разбираетесь в лошадях?

— Я разбираюсь в людях, которые что-то держат слишком крепко.

Он чуть ослабил левую руку. Сани пошли ровнее. Он не сказал «спасибо» — этого я и не ждала, — но и не огрызнулся, а для него это, кажется, было высшей формой признательности.

Дорога вилась вдоль замёрзшей реки, и Север разворачивался передо мной — белый, огромный, равнодушный. Я родилась и выросла в столице, среди тёплых гостиных и тёплой лжи, и этот край пугал меня именно тем, что в нём негде было спрятаться. Здесь не было толпы, чтобы раствориться, не было полумрака, чтобы подслушать, не было шёлковых занавесей, за которыми ведутся настоящие разговоры. Был снег, и под снегом — правда, голая, как кость. Неудивительно, что драконы выросли тут такими. Им просто негде было научиться врать.

— Почему вы согласились, — спросила я. — Взять меня. Вы могли отказаться от напарницы. Корона прислала бы солдат.

— Солдаты не нашли бы того, что найдёте вы, — сказал он, глядя на дорогу. — Я ненавижу это знать. Но я это знаю.

— Честный ответ.

— Я не умею других, — сказал он. — За это меня и не любят при дворе. Я говорю людям то, что вижу, а люди не для того отращивают придворные улыбки, чтобы им говорили, что под ними.

Я усмехнулась — против воли. Мы были устроены наоборот, он и я. Он не умел лгать и страдал от этого среди лжецов. Я не умела ничего, кроме лжи, и теперь страдала оттого, что меня лжи лишили. Из нас двоих, подумала я, можно было бы собрать одного цельного человека. Мысль была неуместная, и я её прогнала.

— В Ольховне, — сказал он через версту, — говорите мало. Люди здесь не любят чужих, а столичных не любят вдвойне. Я буду спрашивать.

— Вы будете спрашивать, они будут врать, вы будете верить, потому что они смотрят честными глазами, — сказала я. — А потом мы уедем ни с чем. Лорд Хольдвин, при всём почтении: вы умеете внушать страх. Это полезно, когда нужно выбить дверь. Но дети пропадают не за дверями. Они пропадают там, где кто-то им улыбнулся. Чтобы найти улыбку, нужна другая улыбка. Дайте говорить мне.

— Вашим улыбкам я не верю особенно, — сказал он.

— И правильно. Они работают именно поэтому.

Уголок его рта дрогнул. Не улыбка — лёд на сломе так блестит на солнце, прежде чем треснуть. Но я заметила. Я всё замечала; это была моя болезнь.

Ольховня оказалась горсткой чёрных изб, вжавшихся в склон, как замёрзшие птицы. Нас встретили молчанием и спинами. Лорд Хольдвин в своём тёмном плаще, с гербом стража на

плече, шёл по единственной улице, и люди кланялись ему так, как кланяются буре: ниже, чем хочется, и быстрее, чем нужно. Я шла на полшага позади и читала деревню, как читают страницу. Закрытые ставни, хотя день. Бабка, что зашептала и сплюнула, завидев чужих. Мужик, прятая за спину руку с бережным узлом. Деревня, которая чего-то боялась так давно, что страх стал её погодой.

Мать пропавшей Лессы звали Норой. Сухая женщина с руками, привыкшими к стирке и к удержанию слёз. Она впустила нас, потому что нельзя было не впустить, усадила, налила травяного отвара, который никто не тронул, и стала рассказывать ту самую гладкую, отрепетированную историю, которую рассказывают, когда правду нельзя говорить даже себе.

— Девочка ушла по воду и не вернулась, господа. Ничего за ней не водилось. Обычное дитя.

Лорд Хольдвин открыл рот — спросить про дар, я была уверена, спросить в лоб, и тогда Нора замкнётся навсегда. Я положила ладонь ему на рукав. Он замер от прикосновения, как от пощёчины, но смолчал.

— Нора, — сказала я тихо, садясь к ней ближе, — у меня нет к вам бумаг. Я не из Комиссии. Я не впишу Лессу ни в какой реестр — её и вписывать-то уже... — я не закончила, дала фразе повиснуть. — Я просто хочу её найти. И мне всё равно, что грели её ладони. Слышите? Всё равно. Расскажите про настоящую Лессу. Не про обычное дитя.

Женщина смотрела на меня, и я видела, как в ней борются страх и тоска, и тоска побеждала, потому что всегда побеждает, если ей дать. Жар у моего горла молчал — я не солгала ей ни словом, мне правда было всё равно, что грела её девочка, и это, кажется, было слышно.

— Тёплые руки у неё были, — прошептала Нора. — С младенчества. Молоко не киснет, если подержит. Воду грела для бабки в немочь. Мы прятали. Господи, как мы прятали. — Слёзы наконец пошли, и она их не вытирала. — А по осени приходил человек. Лудильщик. Котлы паял. Добрый такой, с леденцами для детворы. И всё про ребятишек выспрашивал — кто да чей, у кого что ладится. Я дура. Я ему про Лессу... не говорила. Но он смотрел, как она воду носит. Смотрел.

— Как он выглядел? — спросила я, не меняя голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.